

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Алтайский государственный педагогический университет»
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук

Серия основана в 1994 г.

Этнография Алтая и сопредельных территорий

Материалы 9-й международной научной конференции,
посвященной 25-летию центра устной истории и этнографии
лаборатории исторического краеведения
Алтайского государственного педагогического университета
(Барнаул, 28–30 октября 2015 г.)

Под редакцией Т. К. Щегловой

Выпуск 9

Барнаул
2015

- этно-социальные категории: Свод этнографических понятий и терминов. М.: ИЭА РАН, 1995. Вып. 6. С. 55–56.
22. Маркус С. В. Тува: Словарь культуры. М.: Академический Проект, Трикста, 2006. 832 с.
 23. Природные условия и естественные ресурсы Ростовской области. Ростов-н/Д, 2002. С. 7–12.
 24. Республика Тыва в цифрах. Стат. сб. Т. 1. Кызыл, 2000. 80 с.
 25. Религиозные течения и секты. Справочник [Электронный ресурс]. URL: <http://www.militia-dei.spb.ru/?go=mdbase&id=311> (дата обращения: 2 сентября 2011 г.).
 26. Сандиков А. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sandikov.name/History_of_Religion.htm (дата обращения: 1 сентября 2011 г.).
 27. Статистический ежегодник Республики Тыва: стат. сб. Кызыл, 2012. Кызыл, 2012. 254 с.
 28. Татаринцева М. П. Старообрядцы в Туве: Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 2006. 216 с.
 29. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва [Электронный ресурс]. URL: http://tuvastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tuvastat/resources/6f6aeb0045d3105f8be4cfe75978d42e/%D0%A7%D0%D0%AF.htm (дата обращения: 15 декабря 2014 г.).
 30. Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 43–63.
 31. Мордва юга Сибири / Л. И. Никонова [и др.]; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова; д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. Саранск, 2007. 312 с. 64 л.
 32. Никонова Л. И., Щанкина Л. Н., Охотина Т. Н., Махалов С. А. Мордва Саратовской области: в 2 ч. Ч. 1. Петровский район / под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова. Саранск, 2009. 200 с. + 60 л. ил. (Мордва России).
 33. Никонова Л. И., Щанкина Л. Н., Шерстобитова Ж. В. Мордва Западной Сибири: в 2 ч. Ч. 1. Село Калиновка: сибирская история и мордовские традиции / под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова. Саранск, 2009. 112 с. (Мордва России).
 34. Никонова Л. И., Щанкина Л. Н., Авдошкина Н. Н., Савка В. П. Мордва Дальнего Востока / под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. Саранск, 2010. 312 с.
 35. Никонова Л. И., Щанкина Л. Н., Гармаева Т. В. Мордва циркумбайкальского региона и Республики Хакасия / под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2010. 268 с. (Мордва России).
 36. Никонова Л. И., Аксенова Т. В., Охотина Т. Н., Савка В. П., Фадеева М. М. Мордва Урала и Зауралья / под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2012. 464 с.: 100 с. ил. (Мордва России).
 37. Никонова Л. И., Махалов С. А., Охотина Т. Н., Савка В. П., Щанкина Л. Н. Мордва Саратовской области / под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. Саранск, 2013. 252 с.
 38. Никонова Л. И., Аксенова Т. В., Охотина Т. Н., Фадеева М. М., Чибирева Е. Г. Мордва Владимирской области / под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2013. 184 с.

Малолетко Алексей Михайлович

Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

Самодийцы в Алтае-Саянском регионе (по данным ономастики)

Аннотация. Самодийцы пришли в Сибирь 5000 лет назад из Передней Азии (Самусьская археологическая культура). 2000 лет назад создатели Кулайской археологической культуры покинули свою территорию. Миграция проходила радиально. В основном население шло на юг – в Алтае-Саянский регион. В Восточных Саянах они обитали еще в середине XX в. н. э. Оставили многие топонимы, в основном названия рек. **Ключевые слова:** *Западная Сибирь, самодийцы, миграция, этнонимы и топонимы.*

Самодийцы в Алтайском регионе европейским картографам известны довольно давно и, несомненно, из русских источников.

На карте А. Дженкинсона (1598 г.) к югу от Телецкого озера (Kitaia lacus) сделана надпись SAMOYEDA. Неизвестен источник, которым пользовался А. Дженкинсон, а также не ясна степень достоверности такой привязки самоедов (самодийцев) к Телецкому озеру. На карте Э. И. Идеса (1704 г.) Телецкое озеро носило название Канкисан. Позднее (1730 г.) Ф. Страленберг на своей карте указал около этого озера 'народ канка рагай' (возможно иное прочтение – *канкарагай*). Эти первые полуфантастиче-

ские сведения о самодийцах на Алтае, на удивление, оказались реальными. Однако эта проблема (самодийцы на Алтае) получила более или менее удовлетворительное решение лишь много лет спустя, благодаря усилиям археологов, этнографов и лингвистов.

История самодийцев Саянского региона известна гораздо лучше, так как еще в середине прошлого (XX) века были живы носители родного языка.

Мы рассмотрим топонимический аспект этой интересной проблемы, история которой уходит в тысячелетия прошлого.

Ранние предки самодийцев мигрировали из Передней Азии в Южную Туркмению. На рубеже II и

III тыс. до н. э. вследствие резкой аридизации климата они покинули северные предгорья Средней Азии. Путь их лежал на восток. Достигнув Иртыша и Оби, они по их долинам спустились до лесной зоны Западносибирской равнины. Заняв эту слабозаселенную маргинальную (между урало-западносибирской и восточносибирской популяциями) зону, они успешно приспособились к её природным условиям. На берегу р. Самуськи (Самусь-кы?), правого притока р. Томь, М. П. Грязновым и А. К. Ивановым в 1924 г. был обнаружен археологический памятник. В 1953–1955 гг. памятник, названный самусьским, был основательно изучен В. И. Матюшенко [8].

Из недр самусьской культуры (XV–XII вв. до н. э.) тысячу лет спустя на арену вышла кулайская культура, монографическое описание которой дано Л. А. Чиндиной. Культура функционировала в рамках V в. до н. э. – V в. н. э. [16]. Стратотип культуры находится на «горе» Кулайка¹ у с. Подгорного Томской области, а территориально она занимала Среднее Приобье от устья Чулыма до с. Сургут на Оби. Впервые изучена И. М. Мягковым, название получила от В. Н. Чернецова. Кулайцы занимались рыболовством, охотой и коневодством. Последнее они, по-видимому, заимствовали у предшествующего населения Васюганья (памятники оз. Тух-Эмтор).

Из исторически известных языков саянских самодийцев предпочтительнее считать языком кулайцев камасинский. Самоназвание кулайцев неизвестно. Возможно, оно скрыто в этнонимах прителецкого населения: *канкарагай* и *канкисан* (см. выше). Среди многих названий камасинцев [7, с. 226] некоторые содержат компонент *кан/канг*: *кангмаш*, *хангмаш*, *кагмаш* (отсюда и *камасинцы*). В частности, ранее гидроним Кан (приток Енисея) был известен как *Канг*. Последние две согласные фонемы произносились как один смычной носовой η. Второй согласный (г) в русском произношении топонима исчез, хотя местное население продолжало произносить Ханг. Второй компонент в гидрониме Канкисан (см. выше) соответствует камасинскому *занг/дзон* 'люди' (ср. модорсанг 'модоры'). Однако в селькупском языке *сан/санг/занг* – это аффикс множественности и *племя*. Но в любом случае Канкисан можно этимологизировать как *канг* – родовое (племенное) название кулайцев. Не связано ли с последними название алтайской реки Кан, притока Чарыша, имеющего приток с прозрачно кулайским именем Чага?

В «Сокровенном сказании монгольского народа» (1240 г.) вместе с тубасами (тофалары?) упоминается народ *ханхас*. По мнению С. И. Ванштейна [2], в этнониме заложен самодийский (не селькупский!) *кас/хас* 'человек'. А первый компонент (*хан*) соответствует рассмотренному выше кан/канг возможному обобщенному самоназванию кулайцев (*канг* 'народ').

Самодийцы кулайского времени делились на две группы.

Первая группа включала ненцев, энцев и нганасан, и ныне исчезнувших саянских самодийцев (камасинцы, койбалы, маторы, тайгинцы, карагасы) вторая – селькупов (остяко-самоедов). Приведем примеры различий в их базовой лексике.

Северные и саянские самодийцы используют в качестве самоназвания слово *человек*: нганасаны – *хаса*, ненцы-юраки (восточные ненцы) – *хасава*, лесные ненцы – *каса*. У южных (саянских) самодийцах термины сходные: койбалы – *каса*, камасинцы – *каза/куза*, близкородственные им маторы – *казы/хазы*, тайгинцы (тайгийцы) – *хасса* 'человек'. В языке остяко-самоедов (селькупов) – *куб/кум/куп* 'человек', что близко финно-угорским: ханты *ко/ку* 'мужчина', манси *hut*, забытое удмуртское *куми* 'человек', ныне этноним коми.

На уровне диалектно-локальных групп в составе остяко-самоедов выделяются *чумулгула*, *сюсигула*, *шиешгула*, *сельгула*, *соргула*, *кайбангула*, *тегула*, *пайгула* (*гула* 'народ'). Этноним *селькупы* (*sol'kup* 'лесной человек') – это перенос названия одной диалектно-локальной группы (сельгула) на всех остяко-самоедов.

Географические термины дают такую же картину: выделяются самодийские и селькупские (остяко-самоедские) группы, причем собственно самодийские топонимы пространственно разорваны. Приведем наиболее характерные примеры.

Нганасаны Таймыра имеют термин *бига(й)*, тагги Таймыра *бе*, что близко к южносамодийским (тайгинцы, койбалы, камасинцы, маторы, карагасы) *бу/би* 'вода'. На севере Западной Сибири многочисленны реки, в именах которых участвует формант *бей*: Хабей, Харбей, Юрибей, Мангиюрибей и др. Южные самодийцы создали аналогичные гидронимы: три реки Бей (правые притоки Абакана), Солбей (и Солбей) в Присаянье, Черобей (приток Абакана) и др. Северный и южный ареалы гидронимов на *-бей* связывают реки Джабейка (приток р. Парбиг, Томская область), Урбей (приток р. Яя), Ибейка (впадает слева в Иртыш ниже устья р. Тара) [9, с. 584]. Терминология селькупов обособляется от «настоящих» самодийцев: вода *йт*, что сближается с угорским: ханты, манси *wit*, венгры *viz*, финны *vete*, мордва *вьдь* 'вода'. Похоже, предки селькупов испытали сильнейшее влияние субстратного населения (таинственные квели?), которое было, вероятно, по происхождению финно-угорским. Явная враждебность предков остяко-самоедов (селькупов) по отношению к касам [11, с. 332] свидетельствует об их недобрососедских отношениях, что возможно только при неродственности популяций.

Сходны и термины, участвующие в образовании названий рек: энцы *d'aga/t'axa*, ненцы *y'aga/a'xa*, камасинцы *ч'ага*, маторы *джага/джега* (езде с фрикативным произношением согласного *g*). Селькупские термины (*кы* 'река большая', *кыге/кыкке* 'река небольшая') не имеют аналогов в самодийских, но удивительно напоминают ительменский (Камчатка) термин *киг* 'река', что требует особого рассмотрения.

¹ В р. Тым впадает р. Кулайка (сельк. Кулай-кы 'воронья река' [Долгих, 1970, с. 210]).

В II–I вв. до н. э. – V в. н. э. кулайская культура достигает расцвета. На это же время приходится центробежное расширение территории, которое, как ни странно, привело к гибели некогда единой материальной культуры и этнического единства. Причины ухода из Среднего Приобья не ясны. Покинув родину, самодийцы успешно осваивали новые территории – тундру, таежную зону в правобережье Енисея, горные районы Алтая, Западных и Восточных Саян, тувинские межгорные котловины.

Миграции. Со II в. до н. э. о каким-то причинам (похолодание и увлажнение, относительное перенаселение, поиски территорий с железными рудами?) начались массовые центробежные миграции кулайцев.

Северная миграция. Кулайцы мигрировали вниз по Оби от нынешнего Сургута и заселили лесотундру, где создал немало своих гидронимов на *-бей*: Тамбей, Хабей, Сандибей и др.

Западная миграция. По р. Омь кулайцы около I–III вв. н. э. достигли Иртыша (территория Омска: Сперановское поселение, городище Большой Лог), Мурлинский клад. Малочисленность кулайских памятников в Нижнем Прииртышье свидетельствует о малой привлекательности этого региона для мигрантов.

Восточные миграции. На Енисее кулайские памятники найдены у с. Ворогово, а также у с. Суломой и в приустьевой части Подкаменной Тунгуски, у с. Ново-Назино и у Красноярска (Есаульский клад). Бронзовые изделия кулайцев найдены и в таежной зоне Средней Сибири: у пос. Чадобец, Усть-Кова, Дворец (Кежемского района) и др.

Река Камарчага, впадающая в Есаулку, имеет кулайское имя. Многочисленны следы кулайцев и в Заенисейском крае. В Присаянском предгорье обильны реки, в имени которых также присутствует термин *чага* 'река': Аянджега, Двачага, Ерегошага, Камарчага, Селенчага, Сенанджага. Немало гидронимов с формантом *бу* 'вода': Буйбу, Минербу (ныне Мана), Нарбу, Подбу, Салбу (ныне Салба), Сейбу.

Южная миграция. Широким фронтом по крупным и не очень крупным рекам мигранты пошли в сторону Алтая и Саян. Это направление миграции поражает своими пространственными масштабами и «доживанием» потомков мигрантов до наших дней.

Обской маршрут. На территории Томской области, судя по ранним картографическим материалам, были реки Двойчага, Чага (две реки), Парбига (ныне Парбиг). Все они имели кулайское происхождение.

Еще недавно (1920-е гг.) переписью было зафиксировано 2079 чел., которые причисляли себя к карагасам, Томские карагасы (села Еушта и Горбуново) считали, что «...хорошо, когда их карагасами называют. Они обижаются, когда их остяками называют» [11, с. 240]. Потомки томских карагасов ныне живут по берегам рек Обь и Шегарка, в низовьях Томи и по берегам Чулыма.

По лесам долины Оби кулайцы достигли Новосибирского Приобья [13]. В первые века до новой эры они уже были в Бийско-Барнаульском Приобье. Ноовобинцевский клад, оставленный кулайцами в Шелаболихинском районе Алтайского края, датирован IV–III вв. до н. э. [1]. Поселения и городища кулайцев известны в приустьевой части Алея, левого притока Оби, и у Бийска. Вещи кулайского типа найдены на берегу Телецкого озера у пос. Иогач (устное сообщение В. Б. Бородаева). В I–III вв. н. э. лесные пространства Бийско-Барнаульского Приобья были полностью освоены кулайцами. Последние оставили здесь такие памятники, как Ближние Елбаны, Малый Гоньбинский, Кордон-2, Иткульские Озера, поселения по Оби, Чумышу, Лосихе, Калманке, Бии [3]. В бассейне Верхней Оби потомки мигрантов жили долго. Здесь они создали общность, несколько отличавшуюся от материнской (кулайской) культуры, что позволило выделить в Верхнем Приобье завершающий ее этап – фоминский (первые века новой эры). Несомненно, самодийцы жили в верхнем бассейне Оби и после фоминского этапа. По крайней мере, в позднем средневековье они составляли заметную часть населения затаеженных территорий. Об этом свидетельствуют свежие южносамодийские топонимы, которые хорошо диагностируются по характерным топоформантам *чага* 'река' и *би* 'вода': реки Чага в бассейне Телецкого озера и Акшычага в системе р. Лебедь, Би (ныне Бия), Ньюжба (ныне Ушпа). Судя по топонимам, самодийцы проникали и в Алтайские горы, где зафиксированы гидронимы: реки Морчага (левый приток Черного Ануя; ныне название утеряно), Себи (ныне Сема, приток Катуня), Чага (правый приток Чарыша, в 30 км ниже с. Усть-Кан; ныне название утеряно). Левый приток Бии – Тебезя – на карте Шелегина (1745 г.) названа Несебья, а на карте середины прошлого века – Тезиба.

На топографической карте, составленной более 100 лет назад, в массиве Падын (ныне Патын в Горной Шории) показана гора Койбал. Река Базанча, левый приток р. Мундыбаш, в позапрошлом веке носила название Адыякпавыджа, которое раскрывается из камасинского как *адыяк* 'маленькая' + *по* 'лесная' и *виджа* (*биджа* < *бига*) 'река'.

Еще восточнее, между Абаканом и Енисеем, известна Койбальская степь, а у хакасов зафиксирован сеок канг, в прошлом самодийскоязычный. Через р. Койбал, правый приток Тубы, у с. Шошино, цепочка топонимов, в основе которых лежат этнонимы *канг* и *койбал*, выходит на Манское и Канское белогорье, где еще в прошлом столетии жили потомки камасинцев и койбалов.

Если учесть, что койбальский язык является диалектом камасинского [15], то можно построить следующую этническую цепочку: от Телецкого озера до Белогорья Восточных Саян: Канкисан(г) – *канг* – *кангмаши* (*кагмаши*) – *калманжи-ил* 'камасинские люди'.

В Хакасии имеются топонимы, образованные от кулайских родовых названий: р. Матур, сёла Матор,

Матур, Койбал, Койбалы, Койбальская степь. В Койбальской степи справа в Абакан впадают три р. Бей, а две реки Бейка — одна впадает в р. База, а другая в р. Тёя.

Кулайцы делали успешные попытки заселения Тувы по долине Енисея. В память об этом нынешний левый приток Енисея р. Березовая (в 30 км ниже устья Кантегира) имела самодийское название Сейбе-сук, и здесь же правый приток Келбе-сук (ныне Пашкина). Возможно, в названии соседней р. Карахаш отразилось самоназвание карагасов — кара-хаш. Крагасы были отюречены и вошли в состав тувинцев-тоджинцев. Последние получили название точи (по оз. Тоджи) или точигасы 'озерные люди'. Самодийцы Тувы были известны как саянские горцы и сойоты.

Южные самодийцы совершали дальние миграции и в пределах освоенной территории. Сравнительно недавно (в русское время) группа камасинцев из-за Енисея, с р. Нарбу (ныне Нарва, приток р. Мана) мигрировала в верховья Чулыма (Кузнецкий Алатау), где в кызыльской тюркской среде образовала род нарбазан [нарба + занг] ('с реки Нарба люди'), нарбазанцы.

Томский маршрут. По долине Томи кулайцы прошли в Кузбассе только до с. Лачиново, где были остановлены местным населением (кетами?). Справа в Томь впадает р. Остякова, берущая начало на склоне Салтымакова хребта. Вряд ли эта речка названа по остяко-самоедам (ныне селькупы). Название дано русскими в то время, когда остяками называли и угров, и кетов, и самодийцев.

Чулымский маршрут. Долина Чулыма уезда кулайцев на Енисей выше Красноярска, в леса Кузнецкого Алатау и далее в Минусинскую котловину. Оставленная кулайцами родина (Васюганье) длительное время пустовала. Селькупы не стремились её заселить в силу своей малочисленности. По-видимому, территория, которую они традиционно заселяли, удовлетворяла их жизнеобеспеченность. Не изменили родине только ныне селькупская группа шиешгула (шешгула, шоешгула), возможные потомки кулайцев. К приходу русских они сохранились в районе юрт Сондоровых — на Оби у впадения в нее р. Чая. Шиешгула занимают обособленное положение среди селькупов. Они плохо понимают все диалекты селькупского языка. По мнению А. И. Кузьминой [5], язык шиешгула является наиболее древним среди ныне известных диалектов селькупского языка. Не являются ли шиешгула потомками кулайцев?

Вторая волна самодийцев связана с приходом в Верхнее Приобье селькупов (одинцовский этап верховской культуры, III–IV вв. н. э.).

Часть селькупов, по-видимому, когда-то мигрировала на юг, по следам кулайцев. Пока вполне определенно можно говорить лишь о пребывании селькупов в Прителецком районе. С северо-востока в Телецкое озеро впадает р. Камга, с юго-востока —

р. Кыга. Оба гидронима с формальных позиций являются безупречно селькупскими: в гидрониме Кыга можно видеть селькупский термин кыге 'речка', который перешел в имя собственное. Название р. Лебедь (приток Бии) — это перевод на русский язык переосмысленного тюрками-кумандинцами селькупского географического термина *кы/кы* 'река' в свое понятие 'лебедь'.

Как сообщал Л. П. Потапов [12], сын боярский Петр Собанский в 1633 г. проник из Кузнецка на Телецкое озеро, обложил ясаком телесского князька Мандрака, которого позднее (через 9 лет) пленил. Имя Мандрака явно не тюркское, оно является самодийским (ср. матор. *мандыра* 'волк'). Фамилия Мандраковы и ныне часто встречается среди селькупов Томской области. До недавнего времени на Чулыме, в 10 км от деревни Золотушка, функционировала деревня Мандраки.

Когда-то Н. М. Ядринцев [17] писал, что в его время телесы окрестностей Телецкого озера еще помнили, что старики говорили на другом языке. Не селькупским ли был этот язык? Или маторским («кулайским»)?

Таким образом, прослеживается двухтысячелетний путь кулайцев: Томское Приобье (системы р. Чузик, Парбиг) — предгорья Алтая — Телецкое озеро — Шория — долина Абакана — рю Туба — истоки Маны и Кана. Это было исторически значимое событие. Освоение горно-таежных и пойменно-долинных территорий было нелегким делом, с которым переселенцы справились. Но преобладание примитивного присваивающего уклада жизни тормозило развитие самодийского общества. И это общество не могло выстоять перед натиском более высокоорганизованных скотоводческих племен. Ассимиляция самодийцев стала неизбежной. И она произошла. В первую очередь она охватила западные, предальтайские районы, заселенные иранцами и кетами. Но, заняв экологические ниши, малопривлекательные для скотоводов и земледельцев (Восточный Саян), они продлили агонию своей самобытной культуры. Последние очаги южносамодийских племен погасли буквально в наши дни.

В 1925 г. А. Я. Тугаринов [14] посетил улус Аблаковский на р. Ильбинке (Ильбу?), в котором проживали потомки камасинцев (калманжи-ил). Самодийский язык уже не был в употреблении, но живы были люди, которые помнили язык предков («сильно трудный, шибко заикается надо»).

В начале 1940-х гг. в Восточных Саянах еще жили две носительницы самодийского языка. У одной из них, Александры Жибьёвой, мать была карагаской, а отец матором. Р. В. Николаев [10] в 1960 и 1961 гг. посетил с. Стойба (Стойбу?) Партизанского района Красноярского края, в котором некогда бывали Г. Ф. Миллер, М. А. Кастрен, Д. Г. Мессершмидт. В этом селе Николаев встретил камасинца И. Д. Додышева (1888–1964), который стал его информатором. Во многих местах Канского Белогорья автор видел старые алачины — развалины жилищ, напомина-

ющих северные чумы. А. Кюннал [6] сообщает, что в с. Абалаково Партизанского района еще в 1980 г. жила камасинка Клавдия Захаровна Плотникова, последняя носительница родного языка. Но поиски потомков древнего народа продолжались... В. П. Кривоногов [4] в 1990–1991 гг. посетил бывшие камасинские поселения Пьянково, Камасинка (основано в 1928 г. на месте стойбища, ликвидировано в 1940–1950-е гг.). Жители старшего поколения еще помнили свое камасинское происхождение. В некогда национальном селе Абалаково только одна жительница осознавала свое «инородческое» происхождение. В Красноярске В. П. Кривоногов разыскал родившуюся в 1911 г. в с. Пьянково камасинку Анну Ивановну Тайгишкину, у которой только дед по матери был русским. В Красноярске же этнографу довелось познакомиться с действительно чистокровной камасинкой Марией Васильевной Жибьёвой (Семеновой), 1926 г. р. Мария Васильевна забыла родную речь, которую и в детстве не знала в совершенстве... В. П. Кривоногов с горечью писал, что меньше этого народа не может быть в принципе — его числен-

ность составляла 1 человек. Ныне нет и этого одного человека.

Ушел древний народ, трудолюбивый и непреходящий. И каждое новое слово о нем — это непреходящее проявление интереса к нему, это память о нем. Человек не умирает, пока его помнят.

Maloletko Alexey

The Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

The Samoyed nation at the Altay-Sayan region (on the date of onomastics)

The Samoyed nation came to Siberia from the Southwest Asia (Samoussa archaeological culture) about 5000 years ago. Later on the founders of the Koulay archaeological culture left their territory about 2000 years ago. The migration of the Samoyed nation had a radiate character. Principally the nation went to the South, at the Altay-Sayan mountains region. The Samoyed nation inhabited at the East Sayan mountains in the middle of the 20th century of our era. The Samoyed nation left many place names, but most of it were names of the rivers. **Keywords:** *Western Siberia, Samoyeds, migration, toponym, ethnonym.*

Источники и литература

1. Бородаев В. Б. Новообинцевский клад // Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987. С. 95–116.
2. Вайнштейн С. И. Этнический состав древнего населения Саян // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1974. С. 189–195.
3. Казаков А. А. О южной периферии расселения самодийских племен // Проблемы этнич. истории самодийских народов. Ч. 2. Омск, 1933. С. 36–39.
4. Кривоногов В. П. Самый малочисленный народ // Проблемы этнической истории самодийских народов. Ч. 2. Омск, 1993. С. 48–52.
5. Кузьмина А. И. Грамматика селькупского языка. Новосибирск, 1974. 266 с.
6. Кюннал А. Камасинский язык // Языки мира. Уральские языки. М.: Наука, 1993. С. 380–389.
7. Малолетко А. М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. I. Предыстория человека и языка. Уральцы. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1999. 281 с.
8. Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и эпоха бронзы). Ч. 2. Самусьская культура. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1973. 214 с.
9. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. II. 437 с.
10. Николаев Р. В. У последних камасинцев // Ученые записки Хакасского н.-и. института языка и истории. Вып. 13. Сер. историческая, № 1. Абакан, 1969. С. 51–67.
11. Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1972. 424 с.
12. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.: Изд-во АН СССР. 1953. 444 с.
13. Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. 124 с.
14. Тугаринов А. Я. Последние калманжи // Северная Азия. 1926. Кн. 1. С. 73–88.
15. Хелимский Е. А. Лексикографические материалы XVIII — начала XIX вв. по саяно-самодийским языкам // Языки и топонимия. Томск. 1978. № 6. С. 47–58.
16. Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. 256 с.
17. Ядринцев Н. М. Отчет о поездке по поручению Западно-Сибирского отдела Императорского географического общества в Горный Алтай, к Телецкому озеру и в вершины Катуня в 1880 году // Записки Зап.-Сиб. отдела Русского географического общества. 1982. Кн. 4. С. 1–46.